

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ
№ 12/2017

состава. Так, например, я, как и многие мои товарищи, обучавшиеся в те годы на философском факультете Уральского государственного университета им. А.М. Горького, с чувством восхищения и глубокой благодарности вспоминаю тех, кто приобщал нас к подлинному философствованию. Богатые по содержанию, мощные по силе воздействия лекции Д.В. Пивоварова, К.Н. Любутина, И.Я. Лойфмана, А.К. Кикоина, В.Т. Зверевича, В.В. Скоробогачко, В.Е. Кемерова, А.В. Перцева, В.И. Колосницына, А.В. Медведева и многих других одухотворяли, возвышали, порождали интенции к глубоким философским изысканиям.

Безусловно, этот путь тернист и труден, поскольку честное философствование предполагает опору человека как на свои убеждения, честь и совесть, так и на глубокое знание различных подходов, точек зрения на предмет исследования. В поисках истинного знания человек порой заблуждается, принимая несущественное за существенное, истинное за истинное и т.д. Сложившуюся систему взглядов он приводит в соответствие со своим внутренним духовным миром и на протяжении многих лет может быть глубоко убежденным в правоте собственных суждений. С вновь же открывшимися обстоятельствами человек, ориентированный на честное философствование, как правило, корректирует, а порой и кардинально изменяет систему взглядов. Такой духовный опыт пережили С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, отказавшиеся в своё время от религиозных убеждений, а затем вновь возвратившиеся в «лоно» церкви.

Не утратила своей актуальности данная проблема и в наши дни. Человек XXI века, так же как и представители прошлого, стоит перед выбором: либо искать легкие пути к ответам на вызовы современности, либо вдумчиво и кропотливо осмысливать возникающие проблемы, руководствуясь народной мудростью: береги платье снову, а честь смолоду.

В.А. Бажанов:

«Об опыте борьбы с плагиатом»

Этот научной деятельности предполагает безусловно честное – во всех смыслах этого понятия – исследование. Включая, конечно, и философское исследование. Однако феномен «теневого науки» (термин, введенный мною ещё в 1991 году именно на основании анализа ряда философских работ [2, 21]), когда научная деятельность грубо нарушала этические нормы, имел место уже в СССР. В новой же России этот феномен расцвёл. О его масштабах позволил судить прогресс в области информационных технологий. Я затрону лишь наиболее острый его аспект, связанный с плагиатом.

К сожалению, плагиат встречается в любом государстве – развитом и не очень. Вопрос в его масштабах. Где-то это достаточно редкое явление,

где-то – как у нас – как говорят факты, довольно распространённое. Где-то к нему могут относиться сравнительно мягко (имея в виду, что со времен Платона и Аристотеля ничего нового под луной не создано), где-то за плагиат карают очень серьёзно. Борьбаться с ним можно различными способами. Как оценивают плагиат и какие меры борьбы предлагают наши западные коллеги? Хотел бы поделиться историей плагиата, с которым столкнулся один из ведущих западных философских журналов *Topoi*, который издаётся издательством Springer – в изложении размышлений главного редактора этого журнала Ф. Паглери [22].

В 2007 году в этом журнале была опубликована статья некоего М. Хатами. В 2014 году заметили, что эта статья содержит большие фрагменты из книги другого автора, вышедшей в 1973 году и даже не упомянутого в списке литературы. Ещё до этого эпизода в *New York Times* обсуждался феномен плагиата в периодических изданиях и высказывались разные мнения – и достаточно терпимые (кто считал, что с античности интеллектуальный прогресс едва был замечен и бессмысленно рассуждать об оригинальности современных трудов), до довольно суровых. Паглери не обсуждает проблемы оригинальности текста, а подчеркивает моральный (точнее, аморальный) аспект плагиата, а именно то, что плагиат представляет собой грех обмана. Этот грех катастрофически снижает градус доверия учёных друг к другу. А без такого рода доверия академическая жизнь ущербна (или вообще невозможна). Поэтому с плагиатом следует бороться жёстко. Как это часто случается, плагиат обнаруживается случайно, и его случаи могут широко обсуждаться в различных социальных сетях и на различных форумах. Эти обсуждения могут быть полезны. Тем не менее, замечает Паглери, «мудрость сообщества способна быстро трансформироваться в безумие толпы», а, следовательно, каждый случай плагиата должен анализироваться особо тщательно и скрупулезно.

Какие же конкретные меры предлагает учёный в качестве инструмента борьбы с плагиатом?

1. *Суровое наказание плагиатчиков.* Категорический запрет публикаций в данном журнале. Настоятельная рекомендация издательству и другим журналам более не принимать тексты плагиатчика. Составление чёрного списка лиц, допустивших плагиат.

2. *Принятие условия, что сам, и только сам плагиатчик несёт полную ответственность за своё деяние.* Мы, пишет Паглери, не можем возлагать вину за пропуск плагиата ни на рецензентов, ни на редакторов. Они представляют собой пострадавшую сторону. Журнал не может превращать рецензентов и своих сотрудников в «ищеек» плагиата («*plagiarism sleuths*»). Они, как и другие исследователи, не обладают качеством «всеведения». Превращение рецензентов в «стражей оригиналь-

ности» текстов будет разрушать основной принцип научной деятельности – доверие к коллегам, делая плагиат ещё более разрушительным, чем он представляет собой как феномен элементарной нечестности.

3. *Тщательная экспертиза фактов плагиата и при его обнаружении максимально широкая информация о плагиате.* Невиновные ни в коем случае не должны пострадать. Текстуальное совпадение поэтому должно быть самым тщательным образом выверено прежде, чем обвинять кого-то в преднамеренном плагиате, а при подозрении на плагиат автору должен быть предоставлен шанс объясниться. Не исключено, что здесь будет иметь место непреднамеренная ошибка.

Это те правила игры, которые, заключает Паглерри, должны иметь в виду все и любые авторы. Эти правила должны быть приняты и у нас. Грех плагиата необходимо искоренять».

И.А. Беляев:

«Честность и честь философа»

В русском языке слова «честность» и «честь» являются однокоренными. Очевидна также и содержательная близость понятий, речевыми репрезентантами которых выступают данные слова. Вместе с тем, нет никакого сомнения ни в принципиальной нетождественности этих понятий, ни в контекстуальной опосредованности их соотношения.

Под честностью допустимо понимать человеческую добродетель, состоящую в искренней вере в правоту собственного дела и в своё право им заниматься, в готовности нести ответственность за совершаемые действия и их результаты. Честен тот человек, который, не отступая перед правдой, имеет смелость мыслить самостоятельно [18]. Честь же представляет собой достоинство человека, осознаваемое им самим и признаваемое другими людьми. Являясь рефлексированной самостоятельностью, честь по своему содержанию может оказаться как необходимой и нравственной, так и случайной и незначительной [5].

Есть ли смысл в обсуждении особенностей честности и чести того человека, каждодневным занятием которого является философское осмысление действительности? Думается, что есть!

Философ, стремящийся постичь истину, едва ли не во всех жизненных ситуациях подобен парусному судну, плывущему против ветра. Оптимизация траектории «профессионально-жизненного движения» требует от философа постоянных разнохарактерных отклонений от прямого пути к цели. Привычка к плаванию «галсами» возникает легко, но избавиться от неё бывает трудно даже при «попутном жизненном ветре». Порой философу ничто внешнее не мешает идти прямым путём, однако он лавирует потому, что просто не склонен действовать иначе. О таких случаях можно сказать, что целевой

компонент деятельности в большей или меньшей степени смешивается с процессуальным компонентом и подменяется им. Искомая истина утрачивает здесь первостепенную важность; по-настоящему значимым критерием для оценивания всего сущего оказывается только то, «что станет говорить \\\ Княгиня Марья Алексевна» [6], в роли которой для современного философа выступает, в частности, «наукометрия как разновидность безумия» [16].

Что же касается однозначных оценочных суждений о честности конкретного философа и его чести, то здесь надо проявлять крайнюю осторожность. Ведь, в самом деле, при поверхностном взгляде вряд ли возникнут сомнения в честности и чести того человека, который рассудителен, эрудирован, способен корректно выражать те или иные выглядящие нетривиальными мысли в устной и письменной речи, то есть всецело, казалось бы, соответствует требованиям, предъявляемым к нему философией как сферой профессиональной деятельности. Тем не менее, не всё то золото, что блестит...

Честность философа находит выражение в его интеллектуальной смелости, самокритичности, обострённой нетерпимости к тому, что в наше время осторожно именуют «некорректными заимствованиями» [10] и что с юридической точки зрения может быть квалифицировано как плагиат. Подлинной философии присущ иммунитет к нечестности, философствующий же человек нередко такого иммунитета не имеет. Специфика чести философа в её нравственном и необходимом варианте заключается в стремлении добиваться успеха исключительно за счёт собственных творческих усилий. Честность и честь философа – это оборотные стороны друг друга. Философом достоин именоваться тот и только тот, чья любовь к мудрости неотделима от его честности и чести.

Анализ авторских материалов участников круглого стола наглядно свидетельствует об остроте и многомерности проблемы честного философствования. Аргументом в пользу данного утверждения является множество так или иначе перекликающихся между собой аспектов обсуждавшейся проблемы, акцентированных авторами, а также ярко выраженная неоднородность содержательного наполнения и жанрово-стилистических характеристик представленных ими материалов. Теоретическая и практическая значимость изложенных здесь идей несомненна. Однако нельзя не отметить, что зафиксированный опыт осмысления честного и противостоящего ему бесчестного философствования – это только исходный, крайне небольшой, в сущности, шаг по пути к концептуализации представлений о поддержании достоинства человека, стремящегося обозначить себя в сфере деятельной любви к мудрости и прочно укорениться в ней.

Литература

1. Алексеев, П.В. Власть. Философия. Наука / П.В. Алексеев. – Москва: Проспект, 2014. – 448 с.
2. Бажанов, В.А. Наука как самопознающая система / В.А. Бажанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 184 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая / Г.В.Ф. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 349 с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 480 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Искусство, 1969. – Т. 2. – 326 с.
6. Грибоедов, А.С. Горе от ума / А.С. Грибоедов. – Москва: Наука, 1987. – 479 с.
7. Иванов, А.В. Университетские лекции по метафизике / А.В. Иванов, В.В. Миронов. – Москва: Современные тетради, 2004. – 647 с.
8. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
9. Конш, М. Философская ориентация / М. Конш. – Санкт-Петербург: Наука, 2012. – 274 с.
10. Котляров, И.Д. Некорректные заимствования: сущность, проблемы оценки и методы противодействия / И.Д. Котляров // Педагогический журнал Башкортостана. – 2011. – № 5 (36). – С. 23–32.
11. Левинас, Э. Время и Другое / Э. Левинас. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1992. – 185 с.
12. Ленин, В.И. Три источника и три составных части марксизма // Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – Москва: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 23. – Март-сентябрь 1913. – С. 40–48.
13. Миронов, В.В. Наукометрия как разновидность безумия / В.В. Миронов // Сократ. Журнал современной философии. – 2016. – Сентябрь. – С. 8–11.
14. Рахматуллин, Р.Ю. Генезис эпистемологического конструктивизма в европейской философии / Р.Ю. Рахматуллин, Э.Р. Семенова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4–1 (66). – С. 151–153.
15. Роллан, Р. Ignavia est jасеге... (Письмо швейцарским студентам) // Собрание сочинений: в 14 т. / Р. Роллан. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т. 13. – С. 124–129.
16. Шестов, Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше / Л. Шестов // Ницше pro et contra. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2001. – С. 335–437.
17. Bazhanov, V.A. Shadow science in the Soviet Union / V.A. Bazhanov // Philosophy and Social Action. – 1991. – Vol. 17. – Vol. 3–4. – pp. 89–99.
18. Paglieri, F. Reflections on Plagiarism / F. Paglieri // Topoi. – 2015. – Vol. 34. – pp. 1–5.